

Путь к Свету

Православный альманах

Шаг тринадцатый

С верою творите волю Божию, иначе не спасетесь

Отрывки из романа В. Н. Елсукова «Принцесса и принц»

— Кейт, давно тебя хотела спросить. Ты веришь в Бога? Вот я смотрю на все окружающее и думаю, что само собой это появиться не могло. Какая гармония, законченность в каждом листе дерева, каждом камне! На всем лежит рука Создателя. Ты как считаешь?

— Наверное, Бог есть, — задумалась Кейт. — Не зря же весь мир поклоняется каким-нибудь верховным существам. Только какой Он на самом деле? Все верят по-разному и поклоняются по-разному. Я в этом не разбираюсь. Мне кажется, различия у людей и народов в восприятии Божества не так уж важны. Нужно для себя определить, присутствует ли Бог в твоей жизни. Если ты в Него веришь, то автоматически соглашаешься с тем, что Он может влиять на твою судьбу. Ты у Него просишь помощи, и это вселяет в тебя надежду. А если ты в Творца не веришь, то остаешься один на один с миром и можешь рассчитывать только на себя. Я не такая сильная, я хочу верить в Бога, рассчитывать на Его поддержку.

— Это ты хорошо сказала, — обрадовалась Софья. — Я верю в Господа Иисуса Христа и тоже хочу, чтобы Он мне помогал в жизни, но для этого, как мне говорила бабушка, я должна исполнять Его заповеди. В Русской Православной Церкви это значит слушаться Бога, молиться Ему, делать добрые дела, никого ничем не обижать. А как в англиканской Церкви?

— Не могу ничего сказать тебе, потому что церковь не посещаю. Я просто верю в Бога, иногда читаю Библию. Вот мой папа вырос в религиозной семье. Его водили по воскресеньям на собрания слушать проповеди. Отца как самого младшего поучали все: пастыри, родители, братья, сестры. Когда папуля вырос и разбогател, а бабушка с дедушкой умерли, то с родственниками своими он общаться совсем перестал. Видимо, до сих пор обижается на них за свое детство. Я даже не знаю двоюродных сестер и братьев, которых у меня очень много. Наша же семья светская. Мама — известная актриса и к религии относится спокойно, не атеистка, верит в Бога, только по-своему.

... Леонид поднялся и побрел за схиигуменом. Все мышцы его тела ломило, как после судорог. Введя гостя в свою комнату, отец Венедикт перекрестился перед образом Божьей Матери и предложил присесть на табурет.

— Слушайте: это было, когда я только-только здесь поселился. Однажды утром ко мне заглянул немолодой уже грек и на ломаном русском языке позвал куда-то за собой. Мы стали подниматься вверх по ущелью. Вокруг были одни заросли и буреломы, я не мог различить даже направление движения. Он же вел меня очень уверенно, как будто ходил туда и обратно изо дня в день. Шли больше часа, начинались скалы. Тут незнакомец остановился и сказал, что мы прибыли. Я осмотрелся, но ничего похожего на человеческое жилье не увидел. Мой провожатый продвинулся немного в сторону к небольшому холмику, наклонился над ним и за что-то потянул. Это была дверца землянки. Затем грек стал спускаться, подзывая меня. Мы оказались в полутемной келье, стены которой были обложены бревнами, как делали раньше на Руси. Пол выложен из тех же бревен, только тесаных. Из мебели — несколько лавочек, нары и небольшой столик, на котором стояла керосиновая лампа. На нарах лежал человек с белыми, как снег, бородой и волосами. Печки в землянке не было, только небольшая вентиляционная труба в одном из углов.

— Ну, здравствуй, Владимир Николаевич, — произнес старик.

Я обомлел и спросил:

— Откуда вы меня знаете?

А он невозмутимо ответил, что Господь открыл ему это, когда я поселился в келье Панагица, и пояснил:

— Хочу исповедаться перед смертью, которую так давно жду.

Затем попросил грека оставить нас наедине и продолжил:

— Семьдесят лет я готовился к этому дню, — старец говорил, а по щекам его бежали слезы радости.

После того как мой проводник вылез из землянки, закрыв за собой дверцу, стало почти совсем темно. Еле-еле мерцал огонек керосиновой лампы.

— Меня зовут отец Николай, — начал рассказ седой подвижник. — Когда-то очень давно в молодости я был преподавателем Казанской духовной академии. В 1921 году большевики арестовали нашего ректора — епископа Анатолия — и еще двадцать ведущих педагогов. Душа моя потряслась и возмутилась до основания. Я воскипел злобой к новой власти и, несмотря на предупреждения духовника, решил примкнуть к белому движению, бороться с безбожниками за Святую Русь. Только к тому вре-

мени Белую армию даже из Крыма выбили. Я узнал, что русский флот ушел в Константинополь для перегруппировки. Поговаривали, что оттуда при поддержке англо-французских войск начнется новый поход против большевиков. Вот я и отправился к берегам Босфора, а когда через год до тех мест добрался, сами понимаете, разочарованию моему не было предела. Какая там Белая армия с союзниками! Возвращаться на Родину, которая, как мне тогда думалось, отвернулась от Бога, я не захотел. Решил, что моя дорога теперь на Святую гору — молиться за Россию. В итоге здесь и очутился. Пришел в Пантелеимонов монастырь, стал подвизаться. Времена тогда для обители настали тяжелые. Разворачивалась антирусская политика Греции на Афоне. Не стало благодетелей, не стало и денег. Запасы таяли, люди голодали. Начались мои скитания. Было так трудно, что не хочу и вспоминать. Понял я, что согрешил тяжко. Уж и умереть был готов, да не позволял Господь. В голоде, в холоде прозябал, в болезнях. А Он чуть на ноги поставит — и опять оставит. Обзавелся перед войной вот этой землянкой. Во время войны опять стало туго. В Греции началась смута, я еле ее пережил, да еще мальчика приютил, от голодной смерти спас. Это тот грек, что наверху, который тебя привел.

Старик взял меня за руку и, положив ее себе на грудь, продолжил:

— В сердце столько времени грех ношу, никак не отпускает. Не смирился, возгордился! И Родину покинул, и заповеди Божьи не исполнил. Закрутил тогда меня вихрь страстей. Духовник предупреждал, чтобы я не ужасался происходящему вокруг и ничего не боялся. «Всё по воле Божьей, — говорил, — думай не о земном, а о небесном. Оторвься умом от земли и вознесись горе». Я не послушал, вот и стал отступником. Лучше бы лежали мои косточки в земле родной, зато душа с Богом была бы. Ты-то разумеешь? Вижу, что не понимаешь, как и я тогда. Послушай старика — глядишь, пригодится. Своим умом жить нельзя, только очищенным от греха сердцем нужно жить, в сердце — путь к Господу, там благодать к Нему нас и направляет. Поступай по правде. Что есть правда, спросишь? Да то, что от Господа, то, что Он в заповедях Своих говорит делать, а мы не хотим, потому что на собственные лжеименные знания надеемся. Себе доверяем, а Богу — нет. Думаем, что все видим и понимаем, а Господу, Который мир сотворил, не верим. Еще нужно про долг перед Всевышним не забывать. Что есть долг? А то, что мы от Создателя получили и чем Ему послужить должны. В каком звании кто призван Им, в том каждый и оставайся. Честно и по мере сил делай то, что Господь тебе указал и для чего явил в этот мир. Крестьянин ли ты, воин, начальник, монах или священник — выполняй до конца то, что тебе установлено, и не думай более ни о чем. Не зарывай дарованный Им талант в землю, иначе брошен

будешь во тьму преисподней. Не понимают этого люди, как и я в молодости. Хотят тешиться прихотями своими, а не по совести поступать. Кухарки лезут в начальники, солдаты отказываются воевать и Родину защищать, правители предают Отечество, унижая свою власть. Вот и я, будучи молодым священником, вместо того чтобы в храме служить Господу и людям, отправился мстить за Бога. Не сумасшедший ли? Всесильный Господь не постоит ли за Себя?! Он дал нам свободу, чтобы мы могли жить, как хотим, потому что мыслящими и разумными нас создал в отличие от животных. И не препятствует Всеведущий нашему произволению, когда в безумии мы отворачиваемся от истинного жития, теряя человеческое лицо, падая ниже бессловесных тварей, становясь хуже упрямых ослов. Бог о каждом из нас промышляет, каждому определяет путь и наставляет на него. Наше же дело — трудиться, творить то, что Он нам определил, терпеливо и безропотно, на чужую судьбу не претендуя. Все, чего ты достоин, Он даст тебе Сам. Никто этого отнять у тебя не сможет.

Старец замолчал. Затем спросил:

— Ну что, велик мой грех?

А я ответил:

— Не печалься, отче. Апостол Петр и вовсе от Бога отрекался.

— Тогда читай разрешительные молитвы, — попросил он.

Я был в одной рясе, без креста, однако машинально вместо епитрахили положил ладонь ему на голову и произнес молитву. Отец Николай сам поцеловал свой нательный крестик. Потом дрожащей рукой достал из-под покрывала, которым был укрыт, Библию, поцеловал ее и произнес:

— Ну, благословляй в последний путь! Отпевать меня незачем, вижу, ангелы за мной идут. Тело сын похоронит, — старик показал рукой наверх, имея в виду того грека, — и что нужно сделает.

Я осенил подвижника крестным знаменем и увидел, как лицо старца засияло от радости. Благодать овладела пажитями его сердца. Он выполнил свое предназначение и отходил ко Господу. Потом вдруг будто остановился на мгновение и сказал:

— Под столом кожаный мешок, в нем мои рукописи: выписки разные, подборки из Священного Писания и книг святых отцов. Возьми их. К тебе придет один человек, отдай ему.

— Какой человек? Как мне его узнать? — спросил я.

— Когда он будет у тебя, за ним явится дьявол. Пусть муж тот разберет бумаги, отредактирует и издаст сборник. Может, кому-то из людей что-нибудь и пригодится. Всё. Бери и ступай. Скажи сыну, чтобы

проводил тебя обратно. Сам не доберешься, заблудишься. И не переживай, он вернется и позаботится о моем теле.

Отец Николай замолчал, а я своими плотскими глазами увидел, как принимают его душу ангелы. Вот такая история. А ты, значит, и есть тот человек, которому я должен передать эти записи.

Старец Венедикт поднялся и вышел из комнаты. Через некоторое время вернулся, держа в руках мешок.

— Что мне с ними делать? — растерянно спросил Леонид.

— Выполнить завещание: привести в порядок, отредактировать, издать.

— А я это смогу?

— Сможешь, не сомневайся. На то воля Господа! Скоро утро. Нужно начинать готовиться к службе. Ну что, вычитал положенные Иисусовы молитвы?

— Нет, батюшка. Я молился, засыпал по ходу молитв, как мог боролся со сном. Счет потерял. Не знаю, сколько получилось прочесть. А что было потом, вы сами видели.

— Ладно, готовься к причастию. И не рассказывай моим послушникам ничего. Рукописи отнеси к себе, сложи в сумку. Никто на досмотре в Дафни тебя не остановит и не спросит, что ты вывозишь. Так Господь благоволит.

<http://www.princess-and-prince.com>

Выдержки из писаний святых отцов Православной Церкви

Кто хочет приступить ко Господу, сподобиться вечной жизни, соделаться обителью Христовою, исполниться Духа Святого, чтобы прийти в состояние приносить плоды Духа, чисто и неукоризненно исполнять заповеди Христовы, тот должен начать с того, чтобы прежде всего крепко уверовать в Господа и всецело предать себя Ему, во всем отречься от мира, чтобы ум его не был занят ничем из видимого. И надлежит тогда непрестанно пребывать в молитве, с верою в Господа, всегда ожидая Его посещения и помощи, это одно всякую минуту необходимо иметь в уме своем. Потом, по причине живущего в человеке греха, надлежит понуждать себя на всякое доброе дело. Благодать Всесвятого Духа приходит в каждого верующего во Христа не за добрые дела, какие он делал прежде (если б приходила за добрые дела, то это была бы не благодать, а уплата за дела), но приходит она от Бога за веру, приходит прежде всяких добрых дел, и уже на ней, как на твердом основании, выстраиваются добрые дела, которые только при помощи благодати и являются совершенными, так что дела, которые бывают без

благодати Всесвятого Духа, Бог ни во что не вменяет. Вера дает силу творить добрые и богоугодные дела по воле Божией. Только нельзя веровать с раздумыванием и двоедушием. Что это за раздумывание и двоедушие? Внимай и познаешь.

Раздумывание есть, когда кто помышляет в уме своем и говорит внутри сам себе: простит ли меня Бог или нет? Это «или нет» есть признак неверия. Двоедушие есть, когда кто не всецело предает себя на подвижнический труд для стяжания Царства Небесного, но все еще имеет попечение о теле своем или о чем-то житейском. Правда, что Бог во всем взирает на намерение наше, но и в том, что соразмерно нашим силам, Он человеколюбиво требует от нас и деятельности. Ибо есть пределы, мера и вес свободному произволению и свободной любви и посильному расположению ко всем святым Его заповедям. И таким образом души, исполняющие меру любви и долга своего, сподобляются Царствия и вечной жизни. Праведен Бог и правы суды Его, и нет у Него лицеприятия, но по мере благодетельств, и телесных и духовных, или ведения, или разумения, или рассудительности, которые Бог различно вложил в отдельную человеческую природу, судя каждого, взыщет Он плодов добродетели и в достойной мере воздаст каждому по делам его. Господь снизошел к роду человеческому с великим человеколюбием и беспредельной благостью, а поэтому Он не попускает никому оставаться праздным в отношении к добродетели или к любому благому делу, но каждому дарует труд по силе собственного произволения человека, великодушно призывая всех каждый день к осуществлению все больших заповедей и добродетелей. Обязаны мы показать рачительность, неутомимость, усилие и плод любви от своей воли и от своего произволения и воздать за дарования, то есть всецело предать себя, посвятив любви Господней. Мерию соответственно способностям каждого постигает его слово Божие: сколько кто владеет, столько им и овладевается, сколько хранит, столько Богом и охраняется. Если нет доброй воли в человеке, Сам Бог ничего не делает для него, хотя и может по свободе Своей. Сам Бог говорит: «Сколько раз хотел Я собрать чад твоих, и вы не захотели» (Лк. 13:34). Поэтому должно веровать, что Он Сам собирает нас, от нас же требует только доброй воли.

Духовное действие Божией благодати в душе совершается с великой премудростью и таинственным смотрением ума, чтобы человек с терпением подвизался в делании добродетелей в продолжение времени, а то и целых лет. И дело благодати тогда уже оказывается в нем совершенным, когда свободное произволение его по многократном испытании окажется благоугодным Духу и с течением времени покажет он

опытность и терпение. Беспредельная и непостижимая премудрость Божия непостижимым и неисследимым образом многообразно совершает раздаяние благодати человеческому роду для испытания свободной воли, чтобы обнаружились любящие Бога всем сердцем и ради Него переносящие всякую опасность и всякий труд. Тогда Господь, видя такое его, человека, произволение и доброе рачение, видя, как принуждает себя к памятованию Господа и как сердце свое, даже против воли его, ведет он непрестанно к добру, к смиренномудрию, к кротости, к любви, и ведет сколько есть у него сил, то есть со всем усилием, — тогда, говорю, Господь творит с ним милость Свою, избавляет его от врагов его и от живущего в нем греха, исполняя его Духом Святым. Тогда уже без усилий и труда во всей истине творит он все заповеди Господни, лучше же сказать, Сам Господь творит в нем заповеди Свои, и он чисто плодоприносит плоды Духа.

Все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков, зная, что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу Христу (Кол. 3:23–24). Крещение не отъемлет самовластия и самопроизволения нашего, но дарует нам свободу от тиранства дьявола, который не может уже более против воли нашей властвовать над нами. По крещении в нашей уже состоит воле или пребывать самоохотно в заповедях Того, в Кого крестились, Христа, Владыки и Бога, и ходить путем повелений Его, или, уклоняясь от правого этого пути, опять возвратиться к дьяволу, противоборцу и врагу нашему. Собственную свою волею совращается каждый, если действительно не восхотел он получить Царство и отречься от себя и любит еще что-нибудь, услаждается какими-нибудь удовольствиями или пожеланиями века настоящего и не имеет ко Господу всецелой любви. Сама природа человеческая, будучи немощна, имеет возможность уклоняться от сопребывающего с нею добра. Потому что наша природа удобоизменяема, и человек по причине остающегося у него произвола, если захочет, делается или сыном Божиим, или же сыном погибели. Пути человека чисты в его глазах, но Господь взвешивает души (Притч. 16:2).

Человеческой природе, чтобы хранить пределы послушания Богу, потребен страх. Страх к Богу возбуждает в человеке любовь к деланию добродетелей, а через это познаются пути Господни. Кто сделался рабом Господа, тот боится своего Владыки. Надобно всякое дело совершать, как бы оно делалось перед очами Господа, и всякую мысль слагать, как бы Господь назирал ее. В таком случае всегда страх Господень будет, и любовь станет возрастать к Бог. Пока не пренебрежет кто страхом Божиим, не согрешит он. Хочешь ли не грешить? Храни страх Божий. Имея внутри себя

страх Божий и нося непобедимое оружие веры, человек силен бывает на все и может делать даже то, что многим кажется трудным и невозможным.

Если вам понравился этот номер альманаха, вы можете переслать его друзьям и знакомым.

